

DOI 10.23859/2587-8344-2020-4-1-2

Черкасова Марина Сергеевна

Доктор исторических наук, профессор,
Вологодский государственный университет
(Вологда, Россия)
mscherkasova@mail.ru

Cherkasova, Marina

Doctor of Historical Sciences, Professor,
Vologda State University
(Vologda, Russia)
mscherkasova@mail.ru

Миграции населения Великого Устюга в XVII – первой четверти XVIII в.***Migrations of the Population of Veliky Ustyug in the 17th – the First Quarter of the 18th Centuries**

Аннотация. В статье рассмотрены миграции жителей Великого Устюга по комплексу писцовых и переписных книг 1620-х – 1721 гг., их направления и динамика. Показаны факторы миграционных процессов – социально-экономические, налоговые, политические, демографические. Учтена историография данной проблематики преимущественно по Русскому Северу и Сибири. Отмечены некоторые антропологические и этнокультурные аспекты проблемы.

Ключевые слова: историческая демография, миграции, демографические связи города и деревни, Русский Север, Сибирь, писцовые и переписные книги.

Abstract. Based on the corpus of cadastre and census books of the period between 1620s and 1721, the article examines the migration of the residents of the city of Veliky Ustyug, its directions and dynamics. The socio-economic, tax, political, and demographic factors of migration processes

---

* Для цитирования: Черкасова М.С. Миграции населения Великого Устюга в XVII – первой четверти XVIII в. // *Historia Provinciae – Журнал региональной истории.* – 2020. – Т. 4. – № 1. – С. 44–68. DOI: 10.23859/2587-8344-2020-4-1-2

For citation: Cherkasova, M. “Migrations of the Population of Veliky Ustyug in the 17th – the First Quarter of the 18th Centuries.” *Historia Provinciae – The Journal of Regional History*, vol. 4, no. 1 (2020): 44–68, [http:// doi.org/10.23859/2587-8344-2020-4-1-2](http://doi.org/10.23859/2587-8344-2020-4-1-2)

© Черкасова М.С., 2020

© Cherkasova M., 2020

are presented. The historiography of this problem is taken into account mainly in respect of the Russian North and Siberia. Some anthropological and ethno-cultural aspects of the problem are pointed out.

Keywords: historical demography, migration, demographic connections of the city and the village, Russian North, Siberia, cadastre and census books

Миграционные процессы являлись существенным фактором демографической истории России. Особый размах они приобрели в XVII–XVIII вв., когда происходило значительное территориальное расширение и хозяйственное освоение страны¹. Отмечая недостаточную ещё классификационную разработанность форм, видов, типов миграций, И.Л. Жеребцов рассматривает их как перемещения людей между населёнными пунктами или в незаселённые районы, связанные со сменой ими места жительства навсегда или на относительно длительный срок. Исследователь различает внешние и внутренние миграции. Преобладали первые, являвшиеся как принудительными, так и добровольными, характеризовавшиеся притоком переселенцев на изучаемую территорию извне. Второй вид миграций – перемещения людей внутри изучаемой территории – были только добровольными². Н.В. Башнин подробно рассмотрел миграции в Сибирь крестьян из Яренского уезда, принадлежавших Вологодскому архиерейскому дому по переписным книгам 1646 и 1678 гг., вычленив социально-экономические, правовые, терминологические аспекты проблемы³.

В Петровскую эпоху существенным фактором миграций, помимо налоговых тягот, стала проводимая правительством политика принудительных армейских и трудовых мобилизаций крестьян и посадских людей⁴. В работах П.А. Колес-

---

¹ Водарский Я.Е. Население России в конце XVII – начале XVIII в. (Численность, сословно-классовый состав, размещение). – Москва: Наука, 1977; Горская Н.А. Историческая демография России периода феодализма (Итоги и задачи изучения). – Москва: Наука, 1994; Шунков В.И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII – начале XVIII в. (Численность, сословно-классовый состав, размещение). – Москва; Ленинград: АН СССР, 1946.

² Жеребцов И.Л. Население Коми края во второй половине XVI – начале XVIII в. – Екатеринбург: УрО РАН, 1996. – С. 232–233; Жеребцов И.Л., Рожкин Е.Н. Миграции и исторические предпосылки формирования многонационального населения республики Коми (до начала XX в.). – Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2001.

³ Башнин Н.В. «Сшёл в Сибирь»: миграции населения яренской вотчины Вологодского архиерейского дома в XVII в. // Российская история. – 2019. – № 1. – С. 127–145.

⁴ Колесников П.А. Северная Русь. Архивные источники по истории Европейского Севера России в XVIII в. Вып. 2. – Вологда: ВГПИ; Северное отделение Археографической комиссии АН СССР, 1973; Колесников П.А. Писцовые и переписные книги как источники для изучения миграций поморского населения в XVII – начале XVIII в. // Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный Археографический сборник. Вып. 1. – Вологда:

никова представлена масштабная картина массовых миграций крестьянства, воссозданная по комплексу переписных книг 16-ти уездов Поморья 1678/79 – 1710/17 гг., происходивших как в силу указанных выше причин, так и из-за его оттока в Сибирь⁵. Отмечая трудоёмкость поиска и систематизации сведений о причинах дворовой пустоты в переписных (1705–1710) и ландратских (1715–1717) книгах, П.А. Колесников признавал, что усилия учёного вознаграждаются интереснейшим материалом, отражающим судьбы конкретных людей Петровского времени, когда распадались целые дворы, семьи.

Антропологическая направленность в изучении этих массовых источников усилена в работах Е.Н. Швейковской, в центре внимания которой – судьбы севернорусских крестьянских семей. О людских потерях на архиерейских и монастырских землях подробно говорится в новейшей монографии исследовательницы на основе переписных книг Вологодского уезда 1710 и 1717 гг. Стратегия общин и землевладельцев заключалась в том, чтобы при наборах солдат и мастеров черпать ресурсы из семей неразделённых, многоячейных, с достаточным числом работников-мужчин. Использовался и силовой приём окончательного разорения экономически слабых дворов, чтобы избавиться от хозяйственного балласта⁶.

Одним из апробированных путей изучения миграций стало обращение исследователей к переписным книгам 1678/79 и 1710-х гг. по отдельным городам и уездам севера России. По переписной книге Верховажского стана 1709–1710 гг. Н.И. Баландин раскрыл направления и причины миграций в 1678–1710 гг. Дворовая пустота в результате естественной смертности, разорения от налогов, мобилизаций на строительные работы и бегства в Сибирь составила 44,8 %, а в душевом выражении 40,8 % человек мужского пола⁷. В.П. Червяков путём сравнения переписных книг по Соли Камской 1679 и 1710 гг. показал удельный вес выходцев из Устюжского уезда: на посаде они составляли 20 %, в уезде – 18,4 %, а в вотчинах Строгановых – 15,7 %⁸.

ВГПИ; Северное отделение Археографической комиссии АН СССР, 1970. – С. 182–196; Колесников П.А. Северная деревня в XV – первой половине XIX в. – Вологда: Северо-Западное книжное издательство, 1976; Баландин Н.И. Верховажье в конце XVII – начале XVIII в. (По материалам писцовых и переписных книг) // Вопросы аграрной истории. – Вологда: ВГПИ, 1968. – С. 407–414.

⁵ Колесников П.А. Северная Русь. Архивные источники по истории Европейского Севера России в XVIII в.

⁶ Швейковская Е.Н. Русский крестьянин в доме и мире (Северная деревня конца XVI – начала XVIII в.). – Москва: Наука, 2012. – С. 53–96.

⁷ Баландин Н.И. Верховажье в конце XVII – начале XVIII в. – С. 412–413.

⁸ Червяков В.П. Миграция населения в Русском государстве в XVII – первой четверти XVIII в. (По материалам Соликамского уезда) // Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный Археографический сборник. Вып. 1. – Вологда: ВГПИ; Северное отделение Археографической комиссии АН СССР, 1970. – С. 97, 100, 105.

Заявленная в заглавии статьи тема раскрывается нами на основе полного корпуса писцовых и переписных книг Устюга: за XVII век это описания 1623–1626⁹, 1676–1683¹⁰, 1677–1678¹¹ гг.; за Петровское время – переписи 1710¹², 1717¹³ и 1721¹⁴ гг. Сведения указанных источников отражают широкий диапазон миграций и демографических связей – как внутрорегиональных (из уезда – в город, из города – в уезд), так и межрегиональных (межуездных – в рамках Севера; между Севером и Центром, а также между Севером и Сибирью). Значительный территориальный масштаб миграций именно в Петровскую эпоху обусловил также отражение в указанной информации и некоторых этнодемографических процессов.

В материалах XVII в. содержатся *катойконимы* – термины географического происхождения, образованные от названий городов, уездов, волостей. В 1623–1626 гг. среди жителей устюжского посада упоминаются *москвитины*: тяглец гостиной сотни Василий Цыбин, имеющий в Устюге двор на приезд; посадский человек А.И. Левашов; не названный по имени пирожник; братья Кондратий и Тарх Степановы Подошевниковы (тяглецы столичной Барашской слободы). Присутствие среди населения Устюга выходцев из других городов и уездов было обусловлено торгово-промысловыми и ремесленными занятиями: «*ростовец*, торгует рыбою», «*колмогорец-оконнишник*», «*кузница Ондreja Яковлева, новоторжца*», «*кузница Тренки галичанина*», «*вологжанин-луковник*», «*пинезанин-рыбной прасол*», «*пустозерцы-кожевники*». Вдовы продолжали торговлю после смерти мужей: белослудца (волости Белая Слуда Двинского уезда), вондокурца, усольца (эти женщины владели кузницами, торговали хлебом и пряниками).

В документах конца XVII – начала XVIII в. состав катойконимов расширяется – вятчанин, двинянин, костромитин, лалетин, лузянин, мезенец, тотмянин, устьянец. Выходцами из городов и волостей Белозерского, Важского, Вологодского, Двинского, Тотемского, Устюжского, Усольского уездов были люди, определяемые в источниках географическими «маркерами» типа белозер, брусенец, важенин, варженин, вондокур/вондокурец, вотложемец, енталец, красноборец, котовалец, ратмеровец, удимец, черевковец, шуянин (Шуйского городка на Сухоне – *М. Ч.*), ярокурец. Каждому из приведённых катойконимов

---

⁹ Устюг Великий. Материалы для истории города XVII–XVIII вв. – Москва: Типография М.Н. Лаврова, 1883. – С. 1–41; Бысть на Устюзе... Историко-краеведческий сборник / Ответственный редактор А.В. Быков. – Вологда: ЛиС, 1993. – С. 160–232.

¹⁰ Устюг Великий. Материалы. – С. 85–143.

¹¹ Устюг Великий. Материалы. – С. 143–164.

¹² Переписные книги Великого Устюга начала XVIII века. Исследование и тексты / Составители И.В. Пугач, М.С. Черкасова. – Вологда: Древности Севера, 2012. – С. 29–140.

¹³ Переписные книги Великого Устюга начала XVIII века. – С. 140–286.

¹⁴ Устюг Великий. Материалы. – С. 165–201.

соответствует уезд или, чаще, конкретная северная волость: Белозерский уезд, Брусенская волость, Важский уезд, Варженская, Вондокурская, Вотложемская, Ентельская, Красноборская, Котовальская, Ратмеровская, Удимская, Черевковская, Ярокурская волости. Географическими по происхождению можно считать фамилии Белозеровых, Вондокуровых, Гудцовских (по дер. Гудцово под Устюгом), Каргопольцовых, Кокшаровых, Красноборских, Колмогоровых/Колмогорцовых, Мезенцовых, Пинегиных, Подосеновых, Пустозеровых/Пустозерцовых, Устьянских, Цывозерцовых, Черевковкиных, Ярокурцовых. Полный состав катойконимов и «географических фамилий», количественное распределение по ним людей на основе писцовой книги 1677/78 г. представлены нами в специальном разделе монографии «Северная Русь: История сурового края в XIII–XVII вв.»¹⁵

Миграции не имели однозначной направленности. Движение населения активно происходило в пределах Севера как из деревни в город, так и обратно. Остановимся, прежде всего, на присутствии крестьян, «безпахотных и бездворных» бобылей, половников и «половничьих сыновей» в городе. В книгах 1710 и 1717 гг. оно нередко связывается с браком данного крестьянина и жительницы Устюга (живет во дворе в качестве зятя)¹⁶. Крестьянин или бобыль назывались подворниками и обитали в отдельных «избёнках». У них обязательно отмечалась семья, сроки пребывания в городе (от нескольких недель до 6–8 и даже до 40 лет), налоговый статус (обычно указывающий на неплатежеспособность «из-за скудости или нищеты»), а также то, что в деревне на его «владенье» или «жеребье» (надел земли) кто-то остался (сын, брат, дядя, племянник, отец, отчим или вовсе чужой человек) и там платит подати «с миром в ряд». Иногда добавлялось: «...и службы с миром служит». Переписчиками в 1710 и 1717 гг. подчеркивалось, что крестьяне живут в Устюге «на время» и записаны будут в переписных книгах в своих деревнях, следовательно, одновременно с переписями в городе в 1710 и 1717 гг. проводились переписи в волостях уезда, что подтверждается комплексом уездных книг второго десятилетия XVIII в.¹⁷ Одна 53-летняя вдова из Подосиновской волости проживала в Устюге с 10-летней дочерью, а в прошлом она обитала на посаде, была выдана замуж за крестьянина в деревню и лишь после смерти мужа вернулась в семью брата¹⁸. Нередко крестьянки, «нищие бобылки», крестьянские и бобыльские вдовы самостоя-

---

¹⁵ Черкасова М.С. Северная Русь: История сурового края в XIII–XVII вв. – Москва: Центрполиграф, 2017. – С. 103–108.

¹⁶ Переписные книги Великого Устюга начала XVIII века. – С. 185, 219, 221, 223, 239, 263, 273.

¹⁷ Ландратские книги Устюжского уезда 1715–1717 гг. // Российский государственный архив древних актов (РГАДА). – Ф. 350. – Оп. 1. – Кн. 436–439 (Переписные и ландратские книги).

¹⁸ Переписные книги Великого Устюга начала XVIII века. – С. 125.

тельно владели дворами или «избёнками» в посадских дворах. У этих женщин разной степени состоятельности, в свою очередь, могли проживать зятья – крестьяне же¹⁹.

Чаще всего в город мигрировали черносозные крестьяне Устюжского, Усольского (Сольвычегодского), Тотемского, Важского, Олонецкого уездов. Реже владельческая принадлежность крестьян и бобылей была иной – из Шуйского городка на Сухоне Ростовской митрополичьей кафедры (Тотемский уезд), из вологодских деревень Спасо-Прилуцкого монастыря, из Леденгского усоля князя А.Д. Меньшикова в Тотемском уезде, из помещичьей деревни уезда Ржевы Володимировой («по отпускному письму от своего помещика для прекормления»), из дворцового подмосковного села Измайлова, из галицких владений (Верховской волости) Троице-Сергиева монастыря. В Устюге жили также церковно-монастырские крестьяне и бобыли из сельских вотчин местного архиерейского дома, городского Сретенского собора, Михайло-Архангельского, Троице-Гледенского и Кирилло-Белозерского монастырей, Теплогорско-Богородицкой и Знаменско-Филипповой пустыней. Два сельчанина из разных мест (крестьянин из Ростовского уезда и бобыль из Красноборского погоста) в качестве служебников жили на устюжском дворе Соловецкого монастыря²⁰.

Пребывание крестьян в Устюге объяснялось разными причинами: 1) исполнением монастырским крестьянином «на время служб государевых»; 2) «на время от воровских людей» (из Антропьевой слободы Усольского уезда); 3) «хлебным недородом» (из вотчины галицкого Аврамьево-Чухломского монастыря); 4) хозяйственными занятиями: «купил двор себе в Устюге для прекормления работы своей извощической»; 5) «для черной работы»; 6) по крепости в качестве дворового человека у приказного подьячего. Попав в город, грамотный крестьянин мог найти себе работу подьячего в Устюжской провинциальной канцелярии или земской избе, «служить в рассыльщиках». Отмечены и «всеуездные мирские избы», поставленные общинами для проживания в них крестьян «на время»: 1) «по выбору мирских людей для сбора окладных великого государя денежных податей»; 2) «для ямских отпусков»; 3) «для постою» уездных крестьян²¹.

Человек в сословном отношении мог определяться как «крестьянин Устюжского уезда Березовой слободки», хотя практически он вырос в городе (в богадельне) и был женат на устюжанке. Отец с сыном за два года до поселения в Устюге «жили по половьям у разных деревенских владельцев», а затем «отбыли

---

¹⁹ Переписные книги Великого Устюга начала XVIII века. – С. 125, 221, 224, 239, 256, 272–273.

²⁰ Переписные книги Великого Устюга начала XVIII века. – С. 176.

²¹ Переписные книги Великого Устюга начала XVIII века. – С. 237.

от того половничества за скорбию». Половничество как отсутствие своей земли и даже двора («деревенского владения») заставляло обедневших и обезземеленных крестьян поселяться в городе. 56-летний А.Е. Ершев, живущий на Устюге 25 лет, не смог однозначно определить своё происхождение: по одной сказке он представлялся жителем Галицкого уезда, по другой – нищим посадским человеком Соли Галицкой, не помнящим, кем являлся его отец, крестьянином или посадским, – «того он за малолетством сказать не знает»²².

Среди причин перехода горожан в деревни Устюжского уезда назовём нередкие пожары в Устюге (1699, 1710, 1715 гг.), а также бурные разливы Сухоны, наносившие ущерб жилому фонду города. Указания на переезд в деревню вследствие «пожарного разорения» сопровождаются сведениями о наличии у посадских людей «своего деревенского владения»²³, однако чаще посадские люди переходили в деревни и подмонастырские слободки «от скудости»²⁴, устраиваясь там в качестве слуг Троице-Гледенского, Михайло-Архангельского, Ивановского монастырей, Знаменско-Филипповой пустыни. Посадские люди в деревнях могли стать также половниками и работниками у состоятельных крестьян и приходских священников («в наймех у присмотру скота»). Некоторые устюжане уходили из города на лесопильные заводы «светлейшего» князя А.Д. Меньшикова, в Серёговское усолье на реке Выми и Пускинское усолье на реке Северной Двине гостя Ив. Грудцына²⁵.

Отдельного рассмотрения заслуживают миграции из Устюга в «сибирские города». Переписчиками использовались разнообразные глаголы – сшёл, съехал, сбрёл, сбежал. Одной из причин дворовой пустоты в 1620-е гг. указывалось, что хозяин «сшёл в Сибирь для своего промыслу (или: «торгует, отходя, в Сибири»), либо – «от долгу», «от податей», «от скудости»²⁶. В переписных книгах Петровского времени фиксировался конкретный год, когда устюжанин съехал/сшёл. Ранние даты выхода устюжан в Сибирь в книге 1710 г. восходят к 1671–1672, 1679–1683, 1688–1689, 1696–1699 гг. (всего 16 чел.). В 1700 и 1701 гг. в ней отмечено по 10 чел. ушедших; за остальные годы: в 1702 г. – 3, 1703 г. – 5, 1704 г. – 6, 1705 – 3, 1706 – 7, 1707 – 18, 1708 и 1709 гг. – по 6 чел., в «нынешнем 710-м году» – 2 чел.

По ландратской книге 1717 г. вышедших в Сибирь было учтено: в 1711 г. – 2 чел., 1712 г. – 7 чел., в 1713 г. – 11, в 1714 г. – 6, в 1715 г. – 7, в 1716 г. – 4, в

²² Переписные книги Великого Устюга начала XVIII века. – С. 221, 226, 241, 253.

²³ Тихонов Ю.А. Землевладение посадских людей в Устюжском уезде в XVII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1964 г. – Кишинёв: Картя Молдовеняскэ, 1966. – С. 270–279.

²⁴ Переписные книги Великого Устюга начала XVIII века. – С. 149, 198, 212, 249, 258, 273.

²⁵ Переписные книги Великого Устюга начала XVIII века. – С. 168, 219, 260.

²⁶ Бысть на Устюзе... Историко-краеведческий сборник. – С. 176, 180, 202.

1717 г. – 1 чел. Иногда срок выхода указан приблизительно – «тому назад лет с тридцать» (т. е. примерно в 1687 г.)²⁷. Про 29 человек говорится, что они «сошли в прошлых годах» (без указания даты), про 42 чел. – что они «ныне живут в сибирских городех». Чаще всего речь шла об уходе или выезде в Сибирь одного человека из данного двора, иногда – о двух-трех братьях либо человека с сыном, «всем своим домом», «с женою и детьми»²⁸. Один раз – в 1706 г. – отмечена смерть устюжанина в Сибири. Из конкретных сибирских городов фигурирует только Иркутск, в котором вышедший из Устюга 35-летний И.М. Муромцев служил приказным подьячим²⁹.

В переписи 1710 г. член гостиной сотни П.Р. Худяков фигурирует как отпущенный «по государеву указу с женой и дочерью в Китайское государства купчиною»³⁰. По ландратской книге 1717 г. Н.Я. Шергин съехал в сибирские города «для торговых своих промыслов»³¹. Длительное пребывание купцов в Москве было связано с исполнением ими государственной службы. С 1699 по 1710 г. А.В. Чалбышев служил там экипажмейстером при делах адмиралтейских. В ревизской сказке 1721 г. подробно зафиксирован многочисленный состав его устюжского двора, в котором, несмотря на отсутствие хозяина, проживали новокрещены-иноземцы, крепостные работники «за недавние и старые долги» и нищие – всего 10 человек в возрасте от 9 до 64 лет³².

Ревизские материалы 1721 г. включают два списка – «первостатейных» купцов, плативших 10-ю деньгу, и торговцев «средней и малой статьи», её не плативших. В первом списке указано 25 чел., находящихся в отъезде в Сибири «для торгового своего промыслу (вариант: «для купечества»); 2 чел. – в Петербурге (один из них, А.М. Уткин, – «в целовальниках»), 4 чел. – в Москве (один из них, К.Д. Клестов, – «за казной»); 12 чел. – в Архангельске («на ярмарку», «для черной работы», а кто-то – «в подьячих»), 1 чел. – в Вологде и 1 чел. – на Вятке. Торговля, как видим, не была единственной причиной выхода устюжан в Сибирь, поскольку иногда причиной указано выполнение казённых служб, «черной работы», «скудость». Во втором списке зафиксировано до десятка людей, находящихся в отъезде в Сибири, – Г.И. Соколов, А.Л. Зарубин, И.С. Кожишников, В.П. Протасов, К.К. Семенов («для черной работы»), И.С. Момотов, М.Н. Мясных, В.Х. Кораблев, И.И. Бобров, А.Ф. Волков и др. Среди них и посадские люди, и мелкие купцы, и ремесленники, и монастырские вкладчики, и крестьяне³³. Более полная демографическая характеристика двух этих списков

²⁷ Переписные книги Великого Устюга начала XVIII века. – С. 172, 178.

²⁸ Переписные книги Великого Устюга начала XVIII века. – С. 47, 154.

²⁹ Переписные книги Великого Устюга начала XVIII века. – С. 93, 125.

³⁰ Переписные книги Великого Устюга начала XVIII века. – С. 118.

³¹ Переписные книги Великого Устюга начала XVIII века. – С. 171.

³² Устюг Великий. Материалы. – С. 196.

³³ Устюг Великий. Материалы. – С. 185, 186, 188, 190, 195, 196, 198, 199, 200.

дана нами в статье «Торговые люди Устюга Великого по переписным книгам первой четверти XVIII в.»³⁴.

Единичны факты самостоятельного выхода в Сибирь женщин: «Каптелина Шпынева отъехала в сибирские города в 713-м году»³⁵. Два факта связаны с выходом в Сибирь поповских детей и пребыванием устюжан в Сибири в качестве монахов. В целом же миграции устюжан в Сибирь явно преобладали над оседанием сибиряков в Устюге: переписью 1710 г. зафиксирован лишь один живущий в качестве подворника выходец из Тобольска – Б.М. Изотовых с женой³⁶.

Новыми направлениями миграций торгово-ремесленных и мастеровых людей в 1710-е годы становятся Санкт-Петербург и Воронеж. В эти города принудительно брали каменщиков, кузнецов и плотников в ведомство Адмиралтейства («выслан в работники в Санкт-Петербурх, а жена его скитаецца меж дворы», «взят в кузнецы в Воронеж»; «взят (вариант: «сослан», что позволяет предполагать какую-то судебную санкцию – М.Ч.) по указу великого государя в работу в Санкт-Петербурх», «померл в каменщиках у городского строения»³⁷. В итогах переписной книги 1710 г. говорится, что 6 мастеров с семьями были переведены в северную столицу «на вечное житье» – каменщик, котельник, портной, резчик, столяр и токарь. Помимо ремесленной работы, переселенцы привлекались к службе в подьячих в губернских и уездных канцеляриях Архангельска, Петербурга, Яренска³⁸. Использовались устюжане и на строительстве Ново-Двинской крепости. Были однако и добровольные миграции устюжан: в Соль Камскую (3 чел.), «к Архангельскому городу» (12 чел.), в Вологду (2 чел.) и Соль Вычегодскую (1 чел.).

В результате миграций происходили изменения в национальном составе населения Устюга. В писцовой книге 1677/1678 гг. отмечены сибирские татары (6 чел., некоторые из них – «купленные»), зыряне (8 чел.), «пермяк» (1 чел.) и 17 кокшаров. Последних в литературе рассматривают как особую этническую группу русских на Севере, образованную в результате этнокультурного взаимодействия колонистов из Новгородской и Ростово-Суздальской земель с «чудью

---

³⁴ Черкасова М.С. Торговые люди Устюга Великого по переписным книгам первой четверти XVIII в. // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XIX вв. Сборник материалов Третьей международной научной конференции (г. Коломна, 24–26 сентября 2013 г.) / Редактор-составитель А.И. Раздорский. – Коломна: Московский государственный областной социально-гуманитарный институт, 2015. – Т. 1. XVI–XVIII вв. – С. 276–293.

³⁵ Переписные книги Великого Устюга начала XVIII века. – С. 178.

³⁶ Переписные книги Великого Устюга начала XVIII века. – С. 35, 118, 120.

³⁷ Переписные книги Великого Устюга начала XVIII века. – С. 64, 73, 103, 117, 124, 135, 203 и мн. др.

³⁸ Устюг Великий. Материалы. – С. 186, 198; Переписные книги Великого Устюга начала XVIII века. – С. 161, 183.

заволочской». В 1677/78 гг. кокшаров на Устюге показано более всего – 11 дворовладельцев с детьми и 6 подворников-работников, тогда как зырян из Яренского уезда – 6 дворовладельцев и 2 подворника³⁹. В дальнейшем обстановка Северной войны обусловила попадание некоторых шведских военнопленных далеко от театра военных действий (в Прибалтике) на север: «крепостная девка 19 лет швецкой породы»⁴⁰.

Нередко среди обитателей посадских дворов переписные книги 1710 и 1717 гг. указывают «купленных в Сибири калмыков и мунгалов» (как взрослых мужчин и женщин, так и детей 8–12 лет): «*купленка-кичманка* (невольница. – М.Ч.) мунгалской породы», «купленной калмычок». Согласно первой ревизии 1721 г., во дворе у И.Н. Кушеверского проживал крепостной калмыцкой породы 22-летний Михайло с сыном⁴¹. Во дворах устюжских купцов между отдельными крепостными работниками (по сути зависимыми должниками) и «купленными девками мунгалской породы» заключались браки, и в переписных книгах фиксируются родившиеся от них дети. У торгового человека Н.А. Бушковского жил 45-летний работник А.Г. Пермогоров, женатый на 40-летней «мунгальской породы» Евдокии Ивановой, и у них был 8-летний сын⁴². Подобные браки были возможны при переходе «мунгалов» в православие. Переписью 1710 г. отражены случаи, когда для купленных в Сибири «мунгалов» детского и подросткового возраста устюжские купцы становились крестными отцами, то есть этих детей в Устюге крестили в православие. Вслед за тем, по мере взросления, они создавали семьи с местными посадскими людьми⁴³. Показательна вновь возникшая фамилия – Василий Терентьев сын *Мунгалов* 19 лет⁴⁴. У купца Я.В. Путилова приказчиком служил 40-летний Михаил Макарьев «калмыцкой породы»⁴⁵. Пребывание калмыков и монголов в Устюге было стабильным, отмечены лишь единичные случаи бегства «купленного калмычка» или ухода «мунгала» обратно в Сибирь⁴⁶.

Приход же в Устюг людей из других городов мог быть связан ещё и с ученичеством. Например, во дворе у В.К. Худышина переписью 1710 г. отмечен «на время его ученик» из Соли Галицкой, 17-летний посадский человек С.С. Барсуков. Правда, это единственный выявленный нами случай, к тому же в описании не конкретизируется, какому именно мастерству/ремеслу обучался этот 17-летний парень. Причины проживания в Устюге выходцев из других го-

³⁹ Черкасова М.С. Северная Русь: История сурового края в XIII–XVII вв. – С. 107.

⁴⁰ Переписные книги Великого Устюга начала XVIII века. – С. 33.

⁴¹ Устюг Великий. Материалы. – С. 166.

⁴² Переписные книги Великого Устюга начала XVIII века. – С. 32, 35, 40, 148 и мн. др.

⁴³ Переписные книги Великого Устюга начала XVIII века. – С. 104.

⁴⁴ Устюг Великий. Материалы. – С. 178, 194–195.

⁴⁵ Устюг Великий. Материалы. – С. 167, 181.

⁴⁶ Переписные книги Великого Устюга начала XVIII века. – С. 35.

родов в источниках не указаны. Так, из г. Кашина на Устюге в ландратской переписи 1717 г. зафиксирован посадский человек К.А. Изволов с семьёй, живший здесь 7 лет и не плативший из-за нищеты подати. 15 лет на Устюге жил посадский человек И. Бахматов, пришедший из Устюжны Железопольской. Ревизией 1721 г. на Устюге были зафиксированы два посадских человека-вологжанина⁴⁷.

Таким образом, по корпусу писцовых и переписных книг Великого Устюга с 1620-х до начала 1720-х гг. в данной статье были рассмотрены как внутренние (город – сельские волости уезда), так и межуездные (в пределах обширного Поморья) и межрегиональные (Север – Центр, Север – Сибирь) миграции населения, показаны некоторые гендерные и этнические аспекты этих процессов. В миграциях участвовали как горожане (торговые, посадские люди, представители духовенства), так и крестьяне, бобыли, половники разной владельческой принадлежности. Миграции в своей основе имели социально-экономические причины (торгово-ремесленная специализация, налогово-повинностные тяготы), а также принудительные правительственные мобилизации и, частично, демографические связи города и деревни вследствие семейно-брачных отношений. Многофакторность и разнонаправленность миграционных процессов не позволяет однозначно говорить о необратимости феномена урбанизации в Поморье в эпоху раннего Нового времени. Значение миграций как фактора социальной мобильности (межсословной и внутрисословно-межпоколенной) населения Поморья требует дальнейшего изучения.

---

⁴⁷ Устюг Великий. Материалы. – С. 183; Переписные книги Великого Устюга начала XVIII века. – С. 91, 226, 228.

Migration processes were an essential factor in the demographic history of Russia. They attained even greater scale in the 17th – 18th centuries, when significant territorial expansion and economic development of the country took place.¹ Noting that the classification of forms, types, and kinds of migration is still being developed, I. Zherebtsov considers the latter as the movements of people between populated localities or to the uninhabited areas, associated with the change of their residence permanently or for a relatively long term. The researcher differentiates external and internal migrations. The first type prevailed, being both forced and voluntary, and characterized by an influx of migrants to the area under research from the outside. The second type of migration, the movement of people within the area under research, was voluntary only.² N. Bashnin examined in detail the migrations to Siberia of Yarensk Uyezd peasants who, according to the census books of 1646 and 1678, belonged to the Vologda Archbishop's House. Also, he singled out socio-economic, legal, and terminological aspects of the problem.³

During the era of Peter the Great, in addition to the existing tax burden, the government's policy of forced army and labour mobilization of peasants and posad people became an important factor in the migration processes.⁴ The works by P. Kolesnikov present a large-scale picture of the massive migration of the peasantry,

---

¹ Ya.E. Vodarskii, *The population of Russia in the Late 17th – Early 18th Centuries (Population Size, Class and Estate Stratification, Residence)* [in Russian] (Moscow: Nauka, 1977); N.A. Gorskaya, *Historical Demography of Russia during the Period of Feudalism (Results and Objectives of Research)* [in Russian] (Moscow: Nauka, 1994); V.I. Shunkov, *Essays on the History of the Colonization of Siberia in the 17th – Early 18th Centuries (Population Size, Estate and Class Stratification, Residence)* [in Russian] (Moscow; Leningrad: AN SSSR, 1946).

² I.L. Zherebtsov, *The Population of Komi Krai in the Second Half of the 16th – the Early 18th Centuries* [in Russian] (Yekaterinburg: UrO RAN, 1996), 232–33; I.L. Zherebtsov and E.N. Rozhkin, *Migrations and Historical Background for the Formation of the Multinational Population of the Komi Republic (before the beginning of the 20th century)* [in Russian] (Syktyvkar: Komi NTs UrO RAN, 2001).

³ N.V. Bashnin, “*Sshel v Sibir*”: Migrations of the Population of the Yarensk Patrimony of the Vologda Archbishop's House in the 17th Century” [in Russian], *Rossiiskaya Istoriya*, no 1 (2019): 127–45.

⁴ P.A. Kolesnikov, *Northern Rus. Archival Sources on the History of Northern European Russia in the 18th Century* [in Russian], iss. 2 (Vologda: VGPI, Severnoe otdelenie Arkheograficheskoi komissii AN SSSR, 1973); P.A. Kolesnikov, “Cadastre and Census Books as a Source for Studying the migration of the Pomor Population in the 17th – Early 18th Centuries” [in Russian], in *Materials on the History of the European North of the USSR. Northern Archaeographic Collection*, iss. 1 (Vologda: VGPI; Severnoe otdelenie Arkheograficheskoi komissii AN SSSR, 1970), 182–96; P.A. Kolesnikov, *The Northern Village in the 15th – First Half of the 19th Centuries* [in Russian] (Vologda: Severo-Zapadnoye knizhnoye izdatel'stvo, 1976); N.I. Balandin, “Verkhovazh'e in the Late 17th – Early 18th Centuries (Based on the Materials of Cadastre and Census Books)” [in Russian], in *Questions of Agrarian History* (Vologda: VGPI, 1968), 407–14.

reconstructed according to the complex of census books of 16 districts of Pomorye of 1678/79–1710/17. Such migrations were caused both by the reasons mentioned above and by the massive outflow of the population to Siberia.⁵ Noting the complexity of examination and systematization of information about the reasons for homestead desolation in the census books of 1705–10 and in the Landrat books of 1715–17, P. Kolesnikov admitted that scholarly effort is rewarded with most interesting material that shows the fate of individual people of the era of Peter the Great, when the entire homesteads collapsed and households broke up.

The anthropological orientation of the research of those mass sources is intensified in the works by E. Shveikovskaya, the focus of which is the fate of the North Russian peasant families. Human losses on bishop and monastery lands are described in detail in the latest monograph by the scholar based on the Vologda Uyezd census books of 1710 and 1717. While recruiting soldiers and workers, the strategy of the communes and landowners was to attract human resources from undivided multi-nuclear extended families with a sufficient number of male workers. Coercive tactics of ultimately ruining economically weak homesteads were also used in order to get rid of economic ballast.⁶

One of the means of researching migration processes, which the researchers have already applied for considering some cities and uyezds of Northern Russia, is the use of the census books of 1678/79 and of the 1710s. Thus, based on the 1709–10 census book of Verkhovazhsky Stan, N. Balandin revealed the directions and causes of migration in 1678–10. Homestead desolation as a result of natural mortality, tax-induced financial ruin, mobilization for construction works, and escapes to Siberia amounted to 44,8 %, and in per capita terms, to 40,8 % of male population.⁷ By comparing the 1679 and 1710 census books of Sol Kamskaya [Solikamsk], V. Chervyakov showed the relative share of emigrants from Ustyug Uyezd. In the posad, they accounted for 20 %; in the uyezd, 18,4 %; and in the patrimonies of the Stroganov family, 15,7 %.⁸

The subject specified in the title of the article is considered on the basis of the full corpus of cadastre and census books of Veliky Ustyug. For the 17th century, these are

---

⁵ P.A. Kolesnikov, *Northern Rus. Archival Sources on the History of Northern European Russia in the 18th Century*.

⁶ E.N. Shveikovskaya, *The Russian Peasant at Home and in the Village Commune (Northern Village at the End of the 16th – Beginning of the 18th Centuries* [in Russian] (Moscow: Indrik, 2012), 53–96.

⁷ Balandin, “Verkhovazh'e in the Late 17th – Early 18th Centuries,” 412–13.

⁸ V.P. Chervyakov, “Migration of the Population in the Russian State in the 17th – First Quarter of the 18th Centuries (Based on the materials of Solikamsk Uyezd)” [in Russian], in *Materials on the History of the European North of the USSR. Northern Archaeographic Collection*, iss. 1 (Vologda: VGPI; Severnoe otdelenie Arkheograficheskoi komissii AN SSSR, 1970), 97, 100, 105.

the records of the years 1623–26,⁹ 1676–83,¹⁰ and 1677–78;¹¹ for the era of Peter the Great, these are the censuses of 1710,¹² 1717,¹³ and 1721.¹⁴ The data contained in these sources reflect a wide range of migrations and demographic connections, both intraregional (from the uyezd to the city, from the city to the uyezd), and interregional (between several uyezds but within the North, between the North and the Centre of the country, and also between the North and Siberia). The significant territorial scale of migration processes during the era of Peter the Great led to the fact that some ethno-demographic processes were also reflected in this information.

The materials of the 17th century contain *demonyms*, terms of geographical origin coined from the names of cities, uyezds, or votchinas. In 1623–26, among the inhabitants of the Ustyug posad, *Moskvitins* [Muscovites] are mentioned: Vasily Tsybin, a *tyaglets* [taxpayer] of *gostinaya sotnya* [privileged group of Russian merchants], who owned a homestead for sojourn in Veliky Ustyug; A.I. Levashov, a posad man; an unnamed pie-man; brothers Kondratii Stepanov Podoshevnikov and Tarkh Stepanov Podoshevnikov (*tyagletsy* [taxpayers] of the metropolitan Barashskaya Sloboda). The presence of immigrants from other cities and uyezds among the population of Veliky Ustyug was explained by trade and craft occupations of those people: “a *Rostovets* [from Rostov], fishmonger”; “a *Kolmogorets* [from Kholmogory], window maker”; “smithy of Ondrei Yakovlev, *Novotorzhets* [from Novotorzhsk Uyezd]”; “smithy of Trenka, *Galichanin* [from Galich]”; “a *Vologzhanin* [from Vologda], dealer in onions”; “*Pinezhanin* [from Pinega], dealer in fish”; “*Pustozeretsy* [from Pustozerensk], tanners.” Widows continued the trade after the deaths of their husbands: a *Belosludets* (from Belaya Sluda Volost in Dvinsk Uyezd), a *Vondokurets*, an *Usolets* (these women owned smithies, traded in bread and spice cakes).

In the documents of the late 17th – early 18th centuries, the number of demonyms increased: *Vyatchanin*, *Dvinyanin*, *Kostromitin*, *Laletin*, *Luzyanin*, *Mezenets*, *Totmyanin*, *Ust'yanets*. The people who came from the cities and volosts of Belozersk, Vaga, Vologda, Dvinsk, Totma, Ustyug, and Usolsk uyezds were identified in the sources by such geographical “markers” as *Belozet*, *Brusenets*, *Vazhenin*, *Varzhenin*, *Vondokur* / *Vondokurets*, *Votlozhemets*, *Entalets*, *Krasnoborets*, *Kotovalets*, *Ratmerovets*, *Udimets*, *Cherevkovets*, *Shuyanin* (Shuisky Gorodok on the Sukhona

⁹ *Ustyug Veliky. Materials on the History of the City in the 17th – 18th Centuries* [in Russian] (Moscow: Tipografiya M.N. Lavrova, 1883), 1–41; A.V. Bykov, ed., ‘*Byst' na Ustyuze...*’ *Historical and Local History Collection* [in Russian] (Vologda: LiS, 1993), 160–232.

¹⁰ *Ustyug Veliky. Materials*, 85–143.

¹¹ *Ustyug Veliky. Materials*, 143–64.

¹² I.V. Pugach and M.S. Cherkasova, comps., *Veliky Ustyug Census Books of the Early 18th Century: Research and Texts* [in Russian] (Vologda: Drevnosti Severa, 2012), 29–140.

¹³ Pugach and Cherkasova, *Veliky Ustyug Census Books of the Early 18th Century*, 140–286.

¹⁴ *Ustyug Veliky. Materials*, 165–201.

river – *Author*), and *Yarokurets*. Each of these demonyms corresponds to a certain uyezd or, more often, to a specific Northern volost: Belozersk Uyezd, Brusenskaya Volost, Vaga Uyezd, Varzhenskaya Volost, Vondokurskaya Volost, Votlozhemskaya Volost, Entel'skaya Volost, Krasnoborskaya Volost, Kotoval'skaya Volost, Ratmerovskaya Volost, Udimskaya Volost, Cherevkovskaya Volost, and Yarokurskaya Volost. The following family names can be considered geographical in origin: Belozеров, Vondokurov, Gudtsovsky (after the village of Gudtsovo near Veliky Ustyug), Kargopol'tsov, Koksharov, Krasnoborsky, Kolmogorov / Kolmogortsov, Mezentsov, Pinegin, Podosenov, Pustozerov / Pustozertsov, Ustyansky, Tsyvozertsov, Cherevkovkin, Yarokurtsov. The complete list of demonyms and “geographical names,” as well as the quantitative distribution of people according to them, is given in compliance with the census book of 1677–78 and presented in a special section of the monograph *Northern Rus: History of the Harsh Land in the 13th – 17th Centuries*.¹⁵

Migration did not have a clear direction. The movement of the population within the boundaries of the North was active both from the village to the city and vice versa. First of all, let us consider the presence of peasants, “*bezpakhotnyi i bezdvornyi*” *bobyli* [landless peasants], *polovniki* [sharecroppers] and “*polovnich'i synov'ya* [sharecroppers' sons]” in the city. In the books of 1710 and 1717, their presence in the city was often associated with the marriage of a certain peasant with a woman who resided in Veliky Ustyug (lives in the household as a son-in-law).¹⁶ A peasant and a *bobyl* were called *podvorniki* [non-members of the commune] and lived in separate “*izbenkakh* [log huts].” The data about them included the information about their family, the duration of their stay in the city (from several weeks to 6–8 and even up to 40 years), their tax status (usually indicating insolvency “*iz-za skudosti ili nishchety* [because of insufficiency or poverty]”), as well as the fact that someone stayed in their “*vladen'e* [homestead]” or “*zhereb'e* [strip of land to cultivate]” (a son, a brother, an uncle, a nephew, a father, a stepfather, or even a stranger) and paid taxes “*s mirom v ryad* [equally with the commune].” Sometimes it was also added: “. . . *i sluzhby s mirom sluzhit* [and performs his service together with the commune].” In 1710 and 1717, the scribes emphasized that some peasants stayed in Veliky Ustyug “*na vremya* [for a while]” and, therefore, were to be recorded in census books of their villages. It means that simultaneously with the census in city, in 1710 and 1717 censuses were also taken in the volosts of the uyezd, which is corroborated by the corpus of the uyezd books of the second decade of the 18th century.¹⁷

¹⁵ M.S. Cherkasova, *Northern Rus: History of the Harsh Land in the 13th – 17th Centuries* [in Russian] (Moscow: Tsentrpoligraf, 2017), 103–08.

¹⁶ Pugach and Cherkasova, *Veliky Ustyug Census Books of the Early 18th Century*, 185, 219, 221, 223, 239, 263, 273.

¹⁷ “Landratskie knigi Ustyuzhskogo uezda 1715–1717 gg.” [The Landrat books of Ustyuzhsky Uyezd in 1715–1717]. Census and Landrat books. F. 350, op. 1, kn. 436–39. Rossiiskii gos-

Thus, one 53-year-old widow from Podosinovskaya Volost resided in Ustyug with her 10-year-old daughter but in the past she was a posad woman, then she was married to a village peasant, and only after her husband's death she returned to her brother's family.¹⁸ Quite often, peasant women, “*nishchie bobylyki* [poor landless peasant women],” peasants' and bobyly's widows possessed homesteads of their own or “*izbenki* [log huts]” in posad homesteads. Sometimes, in-laws of those women of variable wealth, also peasants, could also reside with them.¹⁹

Most often, *chernososhnye* [residing on state land and paying taxes to the treasury] peasants migrated to the city from Ustyug Uyezd, Usolsk (Solvychevodsk) Uyezd, Totma Uyezd, Vaga Uyezd, and Olonetsk Uyezd. Less commonly, the status and territorial affiliation of peasants and bobyly was different: they were from Shuisky Gorodok on the Sukhona of the Rostov Metropolitan House (Totma Uyezd); from the Vologda villages of the Spaso-Prilutsky Monastery; from the Ledenskoe Usolye of Prince A.D. Menshikov in Totma Uyezd; from a landlord's village in Rzheva Volodimerova (“*po otpusknomu pis'mu ot svoego pomeshchika dlya pre-kormleniya* [by a letter of release from his landlord for subsistence]”); from the *dvortsovoe selo* [court-owned village] of Izmailovo near Moscow; from the Galician estates (Verkhovskaya Volost) of the Troitse-Sergiev Monastery. Ustyug was also a place of residence of church and monastery peasants and bobyly from the rural estates of the local archbishop's house; of the Sretensky [Purification] Cathedral in the city; of the Mikhailo-Arkhangelsky, Troitse-Gledensky, and Kirillo-Belozersky monasteries; of the Teplogorsko-Bogoroditsky Pustyn and Znamensko-Filippova Pustyn monasteries. Two villagers from different places (a peasant from Rostov Uyezd and a bobyly from Krasnoborsky Pogost) lived in the Ustyug metochion of the Solovetsky Monastery as monastery workers.²⁰

The peasants' stay in Ustyug was accounted for by various reasons: 1) “*na vremya sluzhb gosudarevykh* [performing temporary state service]” by a monastery peasant; 2) “*na vremya ot vorovskikh lyudei* [coming temporarily from evil-doers]” (from Anthropol's Sloboda of Usolsky Uyezd); 3) “*khlebnym nedorodom* [crop failure]” (from the estate of the Galician Avramyevo-Chukhlomsky Monastery); 4) economical activities (“*kupil dvor sebe v Ustyuge dlya pre-kormleniya raboty svoei iz-voshchicheskoi* [bought a homestead in Ustyug for himself to earn subsistence as a carter]”); 5) “*dlya chernoï raboty* [for common labour]”; 6) *po kreposti* [by deed of purchase] as a menial of a *prikaz* official]. Once in the city, a literate peasant could

---

darstvennyi arkhiv drevnikh aktov. [Russian State Archive of Ancient Acts] (RGADA), Moscow, Russia.

¹⁸ Pugach and Cherkasova, *Veliky Ustyug Census Books of the Early 18th Century*, 125.

¹⁹ Pugach and Cherkasova, *Veliky Ustyug Census Books of the Early 18th Century*, 125, 221, 224, 239, 256, 272–73.

²⁰ Pugach and Cherkasova, *Veliky Ustyug Census Books of the Early 18th Century*, 176.

find a job as a clerk at the Veliky Ustyug provincial office or *zemskaia izba* [elected body of local government], or “*sluzhit' v rassyl'shchikakh* [serve as a courier].” The *vseuezdnye mirskie izby* [all-uyezd commune houses] were also mentioned. They were built by the communes to accommodate peasants “*na vremya* [for a while]”: 1) “*po vyboru mirskikh lyudei dlya sboru okladnykh velikogo gosudarya denezhnykh podatei* [at the commune members’ option for collecting monetary duties levied by the state]; 2) “*dlya yamskikh otpuskov* [as stages]”; 3) “*dlya postoyu* [for accommodation]” of uyezd peasants.²¹

In terms of class affiliation, a man could be described as “*krest'yanin Ustyuzhskogo uezda Berezovoi slobodki* [a peasant of Berezovaya Slobodka in Ustyug Uyezd],” although in fact he grew up in the city (in a poorhouse) and was married to an Ustyug woman. Two years prior to their arrival in Ustyug, a father and a son “*zhili po polov'yam u raznykh derevenskikh vladel'tsev* [lived as sharecroppers of different village landholders]”, and then “*otbyli ot togo polovnichestva za skorbiyu* [left that sharecropping because of infirmity].” Sharecropping as the absence of their own land and even a homestead (“*derevenskoe vladenie* [village landholding]”) forced impoverished and landless peasants to settle in the city. Thus, 56-year-old A.E. Ershev, who lived in Ustyug for 25 years, could not unambiguously determine his origin. According to one census record, he named himself a resident of Galich Uyezd; according to the other record, he was a poor posad man from Sol Galitskaya, who did not remember whether his father was a peasant or a posad man as “*togo on za maloletstvom skazat' ne znaet* [he was too young to remember that].”²²

Among the reasons that forced citizens to move to the villages of Ustyug Uyezd were frequent fires in Ustyug (in 1699, 1710, and 1715) and also violent floods of the Sukhona River that damaged housing resources of the city. The records that mention moving to the village as a result of “*pozharhoe razzorenie* [devastation by fire]” are accompanied by the information that posad people had “*svoe derevenskoe vladenie* [their own village landholding],”²³ but more often posad people moved to the villages and settlements near monasteries “*ot skudosti* [because of poverty],”²⁴ settling there as servants of the Troitse-Gledensky Monastery, Mikhailo-Arkhangelsky Monastery, Ivanovsky Monastery, and the Znamensko-Philippova Pustyn monastery. In the villages, posad people could also become sharecroppers and labourers of wealthy peas-

²¹ Pugach and Cherkasova, *Veliky Ustyug Census Books of the Early 18th Century*, 237.

²² Pugach and Cherkasova, *Veliky Ustyug Census Books of the Early 18th Century*, 221, 226, 241, 253.

²³ Yu.A. Tikhonov, “Land Ownership of Posad People in Ustyuzhsky Uyezd in the 17th Century” [in Russian], in *Yearbook on the Agrarian History of Eastern Europe. 1964* (Kishinev: Kartya Moldovenyaske, 1966), 270–79.

²⁴ Pugach and Cherkasova, *Veliky Ustyug Census Books of the Early 18th Century*, 149, 198, 212, 249, 258, 273.

ants and parish priests (“*v naimekh u prismotru skota* [hired to tend cattle]”). Some Ustyug residents left the city for the sawmills of the “*svetleishii* [Serene]” Prince A.D. Menshikov, for Seregovskoe Usolye on the Vym River and Puskinskoe Usolye of the merchant Iv. Grudtsyn on the Severnaya Dvina River.²⁵

Migrations from Ustyug to “*sibirskie gorody* [Siberian towns]” deserve special consideration. The scribes used a variety of verbs, such as “*sshel* [went away],” “*s"ekhal* [moved out],” “*sbrel* [wandered off],” or “*sbezhal* [escaped].” As one of the reasons for homestead desolation in the 1620s, it was indicated that the owner either “*sshel v Sibir' dlya svoego promyslu* [went to Siberia for subsistence]” (or “*torguet, otkhodya, v Sibiri* [went to Siberia to trade]”), or “*ot dolgu* [because of debt],” “*ot podatei* [not to pay taxes],” “*ot skudosti* [because of poverty].”²⁶ Census books of the era of Peter the Great always documented a specific year when an Ustyug resident moved out / went away. In the book of 1710, the earliest dates of the departure of Ustyug residents for Siberia go back to 1671–72, 1679–83, 1688–89, 1696–99 (16 people in total). In 1700 and 1701, the book recorded 10 people who left; for the following years the numbers are as follows: 3 persons in 1702; 5 persons in 1703; 6 persons in 1704; 3 persons in 1705; 7 persons in 1706; 18 persons in 1707; 6 persons each year in 1708 and 1709; and 2 persons in the “current 710th year.”

According to the Landrat book of 1717, the number of those who departed for Siberia is as follows: 2 persons in 1711; 7 persons in 1712; 11 persons in 1713; 6 persons in 1714; 7 persons in 1715; 4 persons in 1716; and only 1 person in 1717. Sometimes the date of their departure was indicated approximately, “*tomu nazad let s trit'sat'* [about thirty years ago]” (that is, roughly, in 1687).²⁷ The book says that 29 persons “*soshli v proshlykh godekh* [left during the previous years]” (without the indication of a date) and 42 persons “*nyne zhivut v sibirskikh gorodekh* [now live in Siberian towns].” Most often it was the departure for Siberia of one person from a certain homestead and sometimes of two or three brothers or a man with a son, “*vsem svoim domom* [with the whole household],” “*s zhenoyu i det'mi* [with wife and children].”²⁸ The death of an Ustyug resident in Siberia is mentioned once, in 1706. Among Siberian cities, Irkutsk is the only one that is mentioned in the census books: a 35-year-old I.M. Muromtsev from Ustyug served there as a *prikaz* clerk.²⁹

In the census of 1710, a member of *gostinaya sotnya* [privileged group of Russian merchants] P.R. Khudyakov is recorded as released by “*po gosudarevu ukazu s zhenoi i docher'yu v Kitaiskoe gosudarstva kupchinoyu* [the sovereign's decree with his

²⁵ Pugach and Cherkasova, *Veliky Ustyug Census Books of the Early 18th Century*, 68, 219, 260.

²⁶ Bykov, ‘*Byst' na Ustyuze...*’, 176, 180, 202.

²⁷ Pugach and Cherkasova, *Veliky Ustyug Census Books of the Early 18th Century*, 172, 178.

²⁸ Pugach and Cherkasova, *Veliky Ustyug Census Books of the Early 18th Century*, 47, 154.

²⁹ Pugach and Cherkasova, *Veliky Ustyug Census Books of the Early 18th Century*, 93, 125.

wife and daughter to the Chinese state as a merchant].”³⁰ According to the Landrat book of 1717, N.Ya. Shergin moved to Siberian towns “*dlya torgovykh svoikh promyslov* [for his trading businesses].”³¹ Long stay of merchants in Moscow was connected with their state service. From 1699 to 1710, A.V. Chalbyshev served there as a crew-master for the affairs of the Admiralty. The census record of 1721 lists the numerous residents of his Ustyug homestead, which, despite the absence of the owner, housed *novokreshcheny-inozemtsy* [newly baptized foreigners], serfs “*za nedavnie i starye dolgi* [for recent and old debts]” and paupers, 10 people between 9 and 64 years of age overall.³²

Census materials of 1721 include two lists of the merchants: “*pervostateinye* [the merchants of the first order]” who paid *desyataya den'ga* [ten-percent emergency tax on surplus profit, collected for military needs] and “*srednei i maloi stat'i* [the merchants of the middle and small order]” who did not pay it. The first list mentions 25 people who went to Siberia “*dlya torgovogo svoego promyslu* [to conduct their merchant trade]” (a variant “*dlya kupechestva* [or merchantry]”); in St. Petersburg, there were 2 persons (one of them, A.M. Utkin, “*v tseloval'nikakh* [as a tax collector]); in Moscow, 4 persons (one of them, K.D. Klestov, went there “*za kaznoi* [to get money]”); in Arkhangelsk, 12 persons (“*na yarmarku* [at the fair],” “*dlya chernoï raboty* [for menial work],” and someone “*v pod'yachikh* [as a minor clerk]”), in Vologda, 1 person; in Vyatka, 1 person. As we can see, trade was not the only reason for the departure of Ustyug residents for Siberia because sometimes the reason indicated was the performance of state service, menial work, and poverty. The second list includes about a dozen people who were away in Siberia: G.I. Sokolov, A.L. Zarubin, I.S. Kozishnikov, V.P. Protasov, K.K. Semenov (“*dlya chernoï raboty* [for menial work]”), I.S. Momotov, M.N. Myasnykh, V.Kh. Korablev, I.I. Bobrov, A.F. Volkov, et al. Among them were *posad* people, small merchants, craftsmen, *monastyrskie vkladchiki* [people who transferred their property to a monastery but preserved the right to use it], and peasants.³³ A more complete demographic description of the two lists is given in the article “Tradespeople of Veliky Ustyug according to the census books of the first quarter of the 18th century.”³⁴

³⁰ Pugach and Cherkasova, *Veliky Ustyug Census Books of the Early 18th Century*, 118.

³¹ Pugach and Cherkasova, *Veliky Ustyug Census Books of the Early 18th Century*, 171.

³² *Ustyug Veliky. Materials*, 196.

³³ *Ustyug Veliky. Materials*, 185, 186, 188, 190, 195, 196, 198, 199, 200.

³⁴ M.S. Cherkasova, “Tradespeople of Veliky Ustyug in the Census Books of the First Quarter of the 18th Century” [in Russian], in *Trade, Merchantry and Customs in Russia in the 16th – 19th Centuries. Proceedings of the Third International Scientific Conference (Kolomna, September 24–26, 2013)*, ed. A.I. Razdorskii, vol. 1, *The 16th – 18th Centuries* (Kolomna: Moskovskii gosudarstvennyi oblastnoi sotsial'no-gumanitarnyi institut, 2015), 276–93.

There were only single instances when women went to Siberia on their own: “*Kaptelina Shpyneva ot'ekhala v sibirskie gorody v 713-m godu* [Kaptelina Shpyneva left for the towns of Siberia in the year 713].”³⁵ Only two facts are connected with the departure of the clergy’s children for Siberia and the stay of Ustyug natives in Siberia as monks. In general, the migration of Ustyug residents to Siberia clearly prevailed over the settling of Siberians in Ustyug. The census of 1710 recorded only one native of Tobolsk, B.M. Izotovykh with his wife, who lived as a sharecropper.³⁶

In the 1710s, St. Petersburg and Voronezh became new directions for the migration of tradesmen and craftsmen. Stonemasons, blacksmiths and carpenters were forcibly taken to these cities to the Admiralty department (“*vyslan v rabotniki v Sankt-Piterburkh, a zhena ego skitaetsa mezh dvory* [sent as a worker to St. Petersburg, and his wife wanders from homestead to homestead],” “*vzyat v kuznetsy v Voronezh* [taken as a blacksmith to Voronezh],” “*vzyat* [taken]” (a variant “*soslan* [exiled],” which allows us to infer some kind of judicial sanction – *Author*) “*po ukazu velikogo gosudarya v rabotu v Sankt-Piterburkh* [by decree of the great sovereign to work in St. Petersburg],” “*pomerl v kamenshchikakh u gorodovogo stroeniya* [died being a stonemason at the city construction site].”³⁷ The summarizing section of the census book of 1710 says that 6 craftsmen with their families were transferred to the northern capital “*na vechnoe zhit'e* [for eternity]”: a stonemason, a boiler master, a tailor, a carver, a carpenter, and a turner. In addition to craft work, migrants were recruited to serve as clerks in the governorate and uyezd offices of Arkhangelsk, St. Petersburg, and Yarensk.³⁸ Also, Ustyug residents worked at the construction of the Novo-Dvinskaya Fortress. However, there were some voluntary migrations among Ustyug residents: to Sol Kamskaya (3 persons); “*k Arkhangel'skomu gorodu* [to the Arkhangelsk city]” (12 persons); to Vologda (2 persons); to Sol Vychehodskaya (1 person).

Migrations resulted in changes in the ethnic composition of the Ustyug population. The cadastre of 1677/1678 mentions Siberian Tatars (6 persons, some of them “*kuplennye* [purchased]”), Zyryans (8 persons), a “*permyak* [Komi-Permyak]” (1 person) and 17 Kokshars. The latter are considered in literature as a special ethnic group of Russians in the North, formed as a result of ethno-cultural interaction of the colonists from Novgorod and Rostov-Suzdal Lands with *chud' zavolochskaya* [Zavolochye Chud, Finno-Ugric population of Zavolochye, a region beyond the portages

³⁵ Pugach and Cherkasova, *Veliky Ustyug Census Books of the Early 18th Century*, 178.

³⁶ Pugach and Cherkasova, *Veliky Ustyug Census Books of the Early 18th Century*, 35, 118, 120.

³⁷ Pugach and Cherkasova, *Veliky Ustyug Census Books of the Early 18th Century*, 64, 73, 103, 117, 124, 135, 203, et al.

³⁸ *Ustyug Veliky. Materials*, 186, 198; Pugach and Cherkasova, *Veliky Ustyug Census Books of the Early 18th Century*, 161, 183.

that connected Lake Onega, Lake Beloye and the Sheksna River]. The number of Kokshars was the largest in Ustyug in 1677/78 and amounted to 11 homestead owners with children and 6 *podvorniki* [non-members of the commune] labourers, while only 6 homestead owners and 2 Zyryan *podvorniki* from Yarensk Uyezd were recorded.³⁹ Subsequently, the situation of the Great Northern War resulted in the arrival of some Swedish prisoners of war in the North (from the Baltic provinces) far from the seat of war: “*krepostnaya devka 19 let shvetskoi porody* [a 19-years-old serf girl of Swedish origin].”⁴⁰

Among the inhabitants of posad homesteads, the census books of 1710 and 1717 often mentioned “*kuplennykh v Sibiri kalmykov i mungalov* [Kalmyks and Mongols, purchased in Siberia]” (both adult men and women, and children from 8 to 12 years of age): “*kuplenka-kichmanka mungalskoi porody* [a purchased female slave of Mongolian origin],” or “*kuplennoi kalmychok* [a purchased Kalmyk youth].” According to the first revision of 1721, a 22-year-old Kalmyk serf Mikhailo lived with his son in the homestead of I.N. Kusheversky.⁴¹ In the homesteads of Ustyug merchants, marriages were contracted between individual serf workers (basically, dependent debtors) and “*kuplennye devki mungalskoi porody* [purchased maids of Mongolian origin],” and their children were recorded in census books. At the homestead of a tradesman N.A. Bushkovsky, a 45-year-old worker A.G. Permogorov lived with his wife Evdokiya Ivanova, a 40-year-old woman “*mungal'skoi porody* [of Mongolian origin],” and they had an 8-year-old son.⁴² Such marriages were possible after the conversion of “*mungaly* [Mongolians]” to Orthodoxy. The census of 1710 shows instances when Ustyug merchants became godfathers for children and adolescents of Mongolian origin purchased in Siberia, which means that those children were baptized into Orthodoxy in Ustyug. Subsequently, as they grew older, they started their own families with local posad people.⁴³ Representative is the newly coined surname *Mungalov*: “*Vasilii Terent'ev syn Mungalov 19 let* [Vasilii Mungalov, son of Terentii, 19 years of age]”.⁴⁴ Forty-year-old Mikhail Makaryev “*kalmytskoi porody* [of Kalmyk origin]” served as a clerk for Ya.V. Putilov, a merchant.⁴⁵ The stay of Kalmyks and Mongolians in Ustyug was permanent; only single instances were recorded when

³⁹ Cherkasova, *Northern Rus: History of the Harsh Land*, 107.

⁴⁰ Pugach and Cherkasova, *Veliky Ustyug Census Books of the Early 18th Century*, 33.

⁴¹ *Ustyug Veliky. Materials*, 166.

⁴² Pugach and Cherkasova, *Veliky Ustyug Census Books of the Early 18th Century*, 32, 35, 40, 148, et al.

⁴³ Pugach and Cherkasova, *Veliky Ustyug Census Books of the Early 18th Century*, 104.

⁴⁴ *Ustyug Veliky. Materials*, 178, 194–95.

⁴⁵ *Ustyug Veliky. Materials*, 167, 181.

“*kuplennoi kalmychok* [a purchased Kalmyk]” escaped or “*mungal* [a Mongolian]” went back to Siberia.⁴⁶

The arrival of people in Ustyug from other cities could also be associated with apprenticeship. For example, the census of 1710 documented a 17-year-old *posad* man S.S. Barsukov from Sol Galitskaya who lived in the homestead of V.K. Khudyshin “*na vremya ego uchenik* [as an apprentice for some time].” However, this is the only instance that we have identified. Moreover, the description does not specify what kind of trade / craft that 17-year-old youth studied. The sources do not indicate the reasons why migrants from other cities resided in Ustyug. Thus, the Landrat census of 1717 recorded a *posad* man K.A. Izvolov with his family who came from the city of Kashin, lived in Ustyug for 7 years and did not pay taxes because of poverty. A *posad* man I. Bakhmatov, who came from Ustyuzhna Zhelezopolskaya, lived in Ustyug for 15 years. The revision of 1721 recorded two *posad* men from Vologda in Ustyug.⁴⁷

Thus, based on the materials of cadastre and census books of Veliky Ustyug from the 1620s to the early 1720s, the article examined both internal (city – rural *volosts* of the *uyezd*), inter-*uyezd* (within the vast area of Pomorye), and inter-regional (North – Centre, and North – Siberia) migrations of the population, highlighting some gender and ethnic aspects of this processes. Both city residents (tradesmen, *posad* people, representatives of the clergy), and peasants, *bobylys* and sharecroppers of different status were involved in migration processes. Migrations were basically caused by socio-economic reasons (trade and craft specialization, tax and duty burdens), as well as by forced mobilizations by the government and, in part, demographic ties between the city and the village as a result of family and marriage relations. The multifactorial and multidirectional nature of migration processes does not allow us to talk unambiguously about the irreversibility of the phenomenon of urbanization in Pomorye in the Early Modern period. The significance of migration as a factor of social mobility (inter-class, in-class and inter-generation) of the population of Pomorye requires further research.

Список литературы

Баландин Н.И. Верховажье в конце XVII – начале XVIII в. (По материалам писцовых и переписных книг) // Вопросы аграрной истории. – Вологда: ВГПИ, 1968. – С. 407–414.

Башнин Н.В. «Сшёл в Сибирь»: миграции населения яренской вотчины Вологодского архиерейского дома в XVII в. // Российская история. – 2019. – № 1. – С. 127–145.

Бысть на Устюзе... Историко-краеведческий сборник / Ответственный редактор А.В.Быков. – Вологда: ЛиС, 1993. – 255 с.

⁴⁶ Pugach and Cherkasova, *Veliky Ustyug Census Books of the Early 18th Century*, 35.

⁴⁷ *Ustyug Veliky. Materials*, 183; Pugach and Cherkasova, *Veliky Ustyug Census Books of the Early 18th Century*, 91, 226, 228.

Водарский Я.Е. Население России в конце XVII – начале XVIII в. (Численность, сословно-классовый состав, размещение). – Москва: Наука, 1977. – 263 с.

Горская Н.А. Историческая демография России периода феодализма (Итоги и задачи изучения). – Москва: Наука, 1994. – 213 с.

Жеребцов И.Л. Население Коми края во второй половине XVI – начале XVIII в. – Екатеринбург: УрО РАН, 1996. – 256 с.

Жеребцов И.Л., Рожкин Е.Н. Миграции и исторические предпосылки формирования многонационального населения республики Коми (до начала XX в.). – Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2001. – 40 с.

Колесников П.А. Писцовые и переписные книги как источники для изучения миграций поморского населения в XVII – начале XVIII в. // Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный Археографический сборник. Вып. 1. – Вологда: ВГПИ, Северное отделение Археографической комиссии АН СССР, 1970. – С.182–196.

Колесников П.А. Северная деревня в XV – первой половине XIX в. – Вологда: Северо-Западное книжное издательство, 1976. – 416 с.

Колесников П.А. Северная Русь. Архивные источники по истории Европейского Севера России в XVIII в. Вып. 2. – Вологда: ВГПИ, Северное отделение Археографической комиссии АН СССР, 1973. – 228 с.

Переписные книги Великого Устюга начала XVIII в.: Исследование и тексты / Составители И.В. Пугач, М.С. Черкасова. – Вологда: Древности Севера, 2015. – 351 с.

Тихонов Ю.А. Землевладение посадских людей в Устюжском уезде в XVII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1964 г. – Кишинёв: Карта Молдовеняскэ, 1966. – С. 270–279.

Устюг Великий. Материалы для истории города XVII–XVIII столетий. – Москва: Типография М.Н. Лаврова, 1883. – 303 с.

Червяков В.П. Миграция населения в Русском государстве в XVII – первой четверти XVIII в. (По материалам Соликамского уезда) // Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный Археографический сборник. Вып. 1. – Вологда: ВГПИ; Северное отделение Археографической комиссии АН СССР, 1970. – С.90–118.

Черкасова М.С. Торговые люди Устюга Великого по переписным книгам первой четверти XVIII в. // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XIX вв. Сборник материалов Третьей международной научной конференции (г. Коломна, 24–26 сентября 2013 г.) / Редактор-составитель А.И. Раздорский. – Коломна: Московский государственный областной социально-гуманитарный институт, 2015. – Т. 1. XVI–XVIII вв. – С. 276–293.

Черкасова М.С. Северная Русь: История сурового края в XIII–XVII вв. – Москва: Центрполиграф, 2017. – 255 с.

Швейковская Е.Н. Русский крестьянин в доме и мире (Северная деревня конца XVI – начала XVIII в.). – Москва: Индрик, 2012. – 366 с.

Шунков В.И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII – начале XVIII в. (Численность, сословно-классовый состав, размещение). – Москва; Ленинград: АН СССР, 1946. – 203 с.

References

Balandin, N.I. “Verkhovazh'ye v kontse XVII – nachale XVIII v. (Po materialam pistsovykh i perepisnykh knig)” [Verkhovazhye in the late 17th – early 18th centuries (Based on the materials

from cadastre and census books)]. In *Voprosy agrarnoi istorii* [Questions of agrarian history], 407–14. Vologda: VGPI, 1968. (In Russian)

Bashnin, N.V. “‘*Sshel v Sibir*’: migratsii naseleniya yarenskoi votchiny Vologodskogo arhiereiskogo doma v XVII v.” [‘*Sshel v Sibir*’: migrations of the population of the Yarensk patrimony of the Vologda Archbishop’s House in the 17th century]. *Rossiiskaya Istoriya*, no. 1 (2019): 127–45. (In Russian)

Bykov, A.V. ed. ‘*Byst’ na Ustyuze...*’ *Istoriko-kraevedcheskii sbornik* [‘*Byst’ na Ustyuze...*’ Historical and local history collection]. Vologda: LiS, 1993. (In Russian)

Cherkasova, M.S. “Torgovye lyudi Ustyuga Velikogo po perepisnym knigam pervoi chetverti XVIII v.” [Tradespeople of Veliky Ustyug in the census books of the first quarter of the 18th century]. In *Torgovlya, kupechestvo i tamozhennoe delo v Rossii v 16–19 vv. Sbornik materialov Tret’ei mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (g. Kolomna, 24–26 sentyabrya 2013 g.)* [Trade, merchantry and customs in Russia in the 16th – 19th centuries. Proceedings of the Third International Scientific Conference (Kolomna, September 24–26, 2013)], edited by A.I. Razdorskii, vol. 1, *XVI–XVIII vv.* [The 16th – 18th centuries], 276–93. Kolomna: Moskovskii gosudarstvennyi oblastnoi sotsial’no-gumanitarnyi institut, 2015. (In Russian)

Cherkasova, M.S. *Severnaya Rus’: Istoriya surovogo kraya v XIII–XVII vv.* [Northern Rus: history of the harsh land in the 13th – 17th centuries]. Moscow: Tsentrpoligraf, 2017. (In Russian)

Chervyakov, V.P. “Migratsiya naseleniya v Russkom gosudarstve v XVII – pervoi chetverti XVIII v. (Po materialam Solikamskogo uezda)” [Migration of the population in the Russian State in the 17th – first quarter of the 18th centuries (Based on the materials of Solikamsk Uyezd)]. In *Materialy po istorii Evropeiskogo Severa SSSR. Severnyi Arkheograficheskii sbornik* [Materials on the history of the European North of the USSR. Northern Archaeographic Collection], iss. 1, 90–118. Vologda: VGPI; Severnoe otdelenie Arkheograficheskoi komissii AN SSSR, 1970. (In Russian)

Gorskaya, N.A. *Istoricheskaya demografiya Rossii perioda feodalizma (Itogi i zadachi izucheniya)* [Historical demography of Russia during the period of feudalism (Results and objectives of research)]. Moscow: Nauka, 1994. (In Russian)

Kolesnikov, P.A. “Pistsovye i perepisnye knigi kak istochniki dlya izucheniya migratsii pomorskogo naseleniya v XVII – nachale XVIII v.” [Cadastre and census books as a source for studying the migration of the Pomor population in the 17th – early 18th centuries]. In *Materialy po istorii Evropeiskogo Severa SSSR. Severnyi Arheograficheskii sbornik* [Materials on the history of the European North of the USSR. Northern Archaeographic Collection], iss. 1, 182–96. Vologda: VGPI; Severnoe otdelenie Arkheograficheskoi komissii AN SSSR, 1970. (In Russian)

Kolesnikov, P.A. *Severnaya derevnya v XV – pervoi polovine XIX v.* [The northern village in the 15th – first half of the 19th centuries]. Vologda: Severo-Zapadnoye knizhnoye izdatel'stvo, 1976. (In Russian)

Kolesnikov, P.A. *Severnaya Rus'. Arkhivnye istochniki po istorii Evropeiskogo Severa Rossii v XVIII v.* [Northern Rus. Archival sources on the history of Northern European Russia in the 18th century]. Issue 2. Vologda: VGPI, Severnoe otdelenie Arkheograficheskoi komissii AN SSSR, 1973. (In Russian)

Pugach, I.V., and M.S. Cherkasova, comps. *Perepisnye knigi Velikogo Ustyuga nachala XVIII v.: Issledovanie i teksty* [Veliky Ustyug census books of the early 18th century: Research and texts]. Vologda: Drevnosti Severa, 2012. (In Russian)

Shunkov, V.I. *Ocherki po istorii kolonizatsii Sibiri v XVII – nachale XVIII v. (Chislennost', soslovno-klassovyi sostav, razmeshchenie)* [Essays on the history of the colonization of Siberia in

the 17th – early 18th centuries (Population size, estate and class stratification, residence)] (Moscow; Leningrad: AN SSSR, 1946). (In Russian)

Shveikovskaya, E.N. *Russkii krest'yanin v dome i mire (Severnaya derevnya kontsa XVI – nachala XVIII v.)* [The Russian peasant at home and in the village commune (Northern village at the end of the 16th – beginning of the 18th centuries)]. Moscow: Indrik, 2012. (In Russian)

Tikhonov, Yu.A. “Zemlevladienie posadskikh lyudei v Ustyuzhskom uезде v XVII v.” [Land ownership of posad people in Ustyug Uyezd in the 17th century]. In *Ezhegodnik po agrarnoi istorii Vostochnoi Evropy. 1964 g.* [Yearbook on the agrarian history of Eastern Europe. 1964], 270–79. Kishinev: Kartya Moldovenyaske, 1966. (In Russian)

Ustyug Velikii. Materialy dlya istorii goroda XVII–XVIII stoletii [Ustyug Veliky. Materials on the history of the city in the 17th – 18th centuries]. Moscow: Tipografiya M.N. Lavrova, 1883. (In Russian)

Vodarskii, Ya.E. *Naselenie Rossii v kontse XVII – nachale XVIII v. (Chislennost', soslovno-klassovyi sostav, razmeshchenie)* [The population of Russia in the late 17th – early 18th centuries (Population size, estate and class stratification, residence)]. Moscow: Nauka, 1977. (In Russian)

Zherebtsov, I.L. *Naselenie Komi kraia vo vtoroi polovine XVI – nachale XVIII v.* [The population of Komi Krai in the second half of the 16th – the early 18th centuries]. Yekaterinburg: UrO RAN, 1996. (In Russian)

Zherebtsov, I.L., and E.N. Rozhkin. *Migratsii i istoricheskie predposylki formirovaniya mnogonatsional'nogo naseleniya respubliki Komi (do nachala XX v.)* [Migrations and historical background for the formation of the multinational population of the Komi Republic (before the beginning of the 20th century)]. Syktyvkar: Komi NTs UrO RAN, 2001. (In Russian)